

Д.М. Бузаджи, В.К. Ланчиков

БУКВАЛИЗМ И ЯЗЫКОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ Об использовании одного метода корпусной лингвистики в переводоведении

ИСТОРИЯ

Переводческая репутация К.Д. Бальмонта сложилась, казалось бы, окончательно и обжалованию не подлежит. У нескольких поколений читателей, интересующихся теорией и историей перевода, имя Бальмонта связано с представлениями о залихватской вольности и вопиющим пренебрежением стилем переводимого автора. Даже если результат такого самоуправства обладал эстетической ценностью (не забудем, что именно бальмонтовский перевод стихотворения Э.А. По *The Bells* вдохновил Рахманинова на создание поэмы для хора, солистов и оркестра «Колокола»), ценность эта к достоинствам оригинала имела лишь косвенное отношение. Чаще же эти достоинства подменялись в переводе набором дежурных «красивостей» альбомно-романсового свойства.

Такое мнение о переводах Бальмонта составляют те, кто судит о них по книге К.И. Чуковского «Высокое искусство» (глава «Перевод – это автопортрет переводчика»). Раздел о Бальмонте в «Высоком искусстве» – отголосок полемики, начавшейся в 1906 году. Хотя могла она начаться и раньше: еще в 1900 году молодой Максимилиан Волошин опубликовал в журнале «Русская мысль» статью «В защиту Гауптмана. По поводу переводов г. Бальмонта», где раскритиковал выполненные Бальмонтом переводы пьес Г. Гауптмана «Ганеле» и «Потонувший колокол». Позднее, излагая упреки Волошина, Чуковский писал, что тот «нашел в бальмонтовском переводе “Потонувшего колокола” *четыре*ста лишних “водянистых строчек отсебятины в декадентском стиле”, отчего “Потонувший колокол”, натурально, “разбух, потерял красоту очертаний, соразмерность образов и утратил чистоту мысли”»¹.

Но как бы ни основательны были доводы Волошина, кто прислушается к замечаниями двадцатитрехлетнего мальчишки, ничем еще не прославленного, который смеет критиковать мэтра и корифея?

Чуковский обратил внимание на переводы Бальмонта в связи со своей увлеченностью поэзией Уолта Уитмена. В статье «Русская Whitmaniana» («Весы», 1906, №10), разбирая ошибки русских авторов, пишущих о жизни и творчестве Уитмена, он, кроме прочего, пишет о смысловых искажениях в бальмонтовских переводах Уитмена: «Положительно, г. Бальмонт не чувствует языка, с которого переводит. В трех строчках перевода он сделал пять грубейших ошибок, – и, благодаря этому, создал характеристику Уитмана весьма далеко отстоящую от подлинной»².

Такая критика на страницах крупного символистского журнала, да еще исходящая от автора, чьи яркие статьи уже создали ему имя в литературных кругах – это не обвинения никому тогда не известного Волошина. Гражданская жена Бальмонта, фанатичная поклонница его творчества Е.К. Цветковская, взяв псевдоним «Елена Ц.», разразилась в тех же «Весах» отповедью Чуковскому, о которой можно судить по ее заглавию: «Об Уитмане, Бальмонте, нареканиях и добросовестности». В этом же номере «Весов» появился и ответ Чуковского под не менее характерным заглавием: «О пользе брома (По поводу г-жи Елены Ц.)».

Полемика этим не закончилась. Видимо, увлеченный спором, Чуковский взялся показать, что критикуемые им особенности переводческой манеры Бальмонта проявляются и

¹ К.И. Чуковский. Собрание сочинений в 15 томах – Т. 6 – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2007 – с. 177.

² Там же, с. 429.

при разборе другого материала – переводов из П.Б. Шелли: через год он публикует в «Весах» статью, чье название напоминает о заглавии статьи Волошина: «В защиту Шелли» (эта статья позднее вошла в качестве приложения в сборник статей Чуковского «От Чехова до наших дней» и легла в основу разбора бальмонтских переводов в «Высоком искусстве»)³. Наблюдения Чуковского подтверждают мысли, уже высказывавшиеся им в связи с переводами Уитмена:

Я преклоняюсь перед Бальмонтом-поэтом. Со всем слабым и отталкивающим, что есть в нем, он для меня – создатель нового мира, нового неба и новой земли, <...> Бальмонт как переводчик – это оскорбление для тех, кого он переводит: для По, для Шелли, для Уайльда <...> Разве Бальмонт «воссоздает»? Ведь у Бальмонта и Кальдерон, и Шелли, и По, и Блэк – все они на одно лицо. Все они – Бальмонты. Читатель, знакомый с ними по Бальмонту, не отличит их друг от дружки. Все они с каким-то ухарским завитком, все они гладкие круглые, юнкерски удалые⁴.

Но есть в статье «В защиту Шелли» фраза, которая может придать разговору о переводческих методах Бальмонта иное направление. Чуковский отмечает: «Переводя прозой и белым стихом, Бальмонт держится несколько ближе к подлиннику».

А ведь и правда: мнение о безудержном вольничании Бальмонта основано лишь на анализе его поэтических переводов. Что же представляли собой его переводы прозы?

Хороший материал для ответа на этот вопрос – переводы произведений автора, к творчеству которого Бальмонт обращался не раз. Этот автор – Эдгар Аллан По. Пожалуй, трудно найти другого писателя, чью прозу Бальмонт переводил бы в таком объеме. Пятитомное собрание сочинений Э.А. По, выпущенное в 1899 году издательством «Скорпион», почти полностью состоит из переводов Бальмонта – а в него вошли не только стихи По, но и рассказы и критические статьи.

Переводя поэзию По, Бальмонт не изменяет излюбленному методу, который был с убийственным сарказмом описан Чуковским. Взять, например, начало уже упоминавшегося стихотворения По *The Bells* (в переводе Бальмонта – «Колокольчики и колокола»):

Hear the sledges with the bells –
Silver bells!
What a world of merriment their melody foretells!
How they tinkle, tinkle, tinkle,
In the icy air of night!
While the stars that oversprinkle
All the heavens seem to twinkle
With a crystalline delight;
Keeping time, time, time,
In a sort of Runic rhyme,
To the tintinnabulation that so musically wells
From the bells, bells, bells, bells,
Bells, bells, bells –
From the jingling and the tinkling of the bells.

Слышишь, сани мчатся в ряд,
Мчатся в ряд!
Колокольчики звенят,

³ Позднее Чуковский вспоминал: «Насчет Брюсова: даже в пору своей близости с Бальмонтом он поощрял меня писать о погрешностях переводов Бальмонта (из Шелли) и привез мне из Москвы эти переводы, дабы я изругал их в “Весах”» (К.И. Чуковский, т. 15, с. 428)

⁴ Там же, с. 433.

Серебристым легким звоном слух наш сладостно томят,
Этим пеньем и гуденьем о забвенье говорят.
О, как звонко, звонко, звонко,
Точно звучный смех ребенка,
В ясном воздухе ночном
Говорят они о том,
Что за днями заблужденья
Наступает возрожденье,
Что волшебно наслажденье – наслажденье нежным сном.
Сани мчатся, мчатся в ряд,
Колокольчики звенят,
Звезды слушают, как сани, убегая, говорят,
И, внимая им, горят,
И мечтая, и блистая, в небе духами парят;
И изменчивым сияньем,
Молчаливым обаяньем,
Вместе с звоном, вместе с пеньем, о забвенье говорят.

Диагноз Чуковского подтверждается. Отмеченные им симптомы налицо: самозабвенные многословные отсебятии (14 строк в оригинале в переводе превратились в 20), причем, по выражению Чуковского, «облитые парикмахерским одеколоном» – чего стоит хотя бы отсутствующее у По: «за днями заблужденья/ Наступает возрожденье,/ Что волшебно наслажденье – наслажденье нежным сном».

Все это так. Но вот как Бальмонт переводит прозу По – например, рассказ *The Murder in the Rue Morgue*:

“I am now awaiting,” continued he, looking toward the door of our apartment – “I am now awaiting a person who, although perhaps not the perpetrator of these butcheries, must have been in some measure implicated in their perpetration. Of the worst portion of the crimes committed, it is probable that he is innocent. I hope that I am right in this supposition; for upon it I build my expectation of reading the entire riddle. I look for the man here – in this room – every moment. It is true that he may not arrive; but the probability is that he will. Should he come, it will be necessary to detain him. Here are pistols; and we both know how to use them when occasion demands their use.”

I took the pistols, scarcely knowing what I did, or believing what I heard, while Dupin went on, very much as if in a soliloquy. I have already spoken of his abstract manner at such times. His discourse was addressed to myself; but his voice, although by no means loud, had that intonation which is commonly employed in speaking to some one at a great distance. His eyes, vacant in expression, regarded only the wall.

– Я теперь жду, – продолжал он, смотря на дверь нашей комнаты, – я жду теперь некоего человека, который, и не будучи свершителем этих зверств, должен быть, в некоторой мере, замешан в случившемся. В худшей части совершенных преступлений, вероятно, он неповинен. Надеюсь, что я прав в этом предположении, ибо на этом я строю все мое чаяние расшифровать загадку целиком. Я жду этого человека сюда, к нам, с минуты на минуту. Это верно, что он может не придти; но вероятие гласит за то, что он придет. Если он придет, необходимо его удержать. Вот пистолеты; мы оба знаем, как ими пользоваться, ежели случай потребует их применения.

Я взял пистолеты, мало разумея, почему это сделал, едва веря своим ушам, между тем как Дюпен продолжал, точно беседуя с самим собой. Я уже говорил об его отвлеченной рассеянной манере в такие минуты. Его речь была обращена ко мне, но его голос, хотя отнюдь не громкий, отличался той интонацией, которую обыкновенно употребляют, когда говорят с кем-нибудь, находящимся на далеком расстоянии. Его глаза, лишённые выражения, глядели лишь на стену.

Можно подумать, что Бальмонт взялся исполнить завет переводческой школы романтизма, выраженный в знаменитом изречении В.А. Жуковского: «Переводчик *в прозе* есть раб; переводчик *в стихах* – соперник». Как Бальмонт соперничал с переводимыми авторами в поэзии, показал Чуковский. Теперь читатель может посмотреть, как он раболепствовал перед ними в прозе.

Хотя перед авторами ли? Напомним, что главное заблуждение буквализма⁵ (а прозаические переводы Бальмонта, без сомнения, можно назвать буквалистическими) состоит в том, что, клянясь на верность стилю автора, переводчики затем становятся верными рабами языка оригинала, кто бы его ни употреблял – хоть Эдгар По, хоть лондонский извозчик. Бальмонт добросовестно копирует синтаксис подлинника, предпочитает контекстуально точному эквиваленту лексической единицы ее словарное соответствие, пренебрегает нормами сочетаемости языка, на который переводит – лишь бы получилось «как у По» (а на самом деле – как в английском языке).

Но не будем повторять не раз сказанного, а обратимся к другой стороне вопроса о буквализме. Распространено мнение, что буквалистический перевод идет на благо переводящему языку: расширяет его возможности, пополняет творческие ресурсы. Обычно в подтверждение ссылаются на те эпохи, когда глубокие исторические сдвиги действительно требовали серьезных изменений в языке (хотя далеко не всегда эти изменения происходили за счет буквалистического переноса языковых средств и приемов).

Однако давайте спустимся с заоблачных высот и проверим, действительно ли буквалистический перевод обладает большей выразительностью, разнообразием средств, точнее передает многообразие оттенков оригинала. В конце концов, переводчики переводят не язык и даже не культуру, как нам предлагается размашисто думать сегодня, а конкретные тексты, написанные конкретными авторами. Прозаические переводы Бальмонта дают для такой проверки прекрасную возможность. Для этого достаточно сопоставить их с переводами, выполненными более привычными нам методами.

Современному читателю рассказы По известны не по переводам Бальмонта. Своего рода канонический корпус этих произведений на русском языке – «Полное собрание рассказов» Э.А. По, выпущенное в 1970 году издательством «Наука» в серии «Литературные памятники». В него вошли переводы, которые чаще всего переиздаются по сей день – в основном, работы переводчиков кашкинской школы и их последователей. Понятно, что подход этих переводчиков в корне отличался от бальмонтовского. Например, процитированный отрывок из рассказа «Убийство на улице Морг» в переводе Р.М. Гальпериной, вошедшем в это издание, выглядит так:

– Сейчас я жду, – продолжал Дюпен, поглядывая на дверь, – жду человека, который, не будучи прямым виновником этих зверств, должно быть, в какой-то мере способствовал тому, что случилось. В самой страшной части содеянных преступлений он, очевидно, не повинен. Надеюсь, я прав в своем предположении, так как на нем строится мое решение всей задачи в целом. Я жду этого человека сюда, к нам, с минуты на минуту. Разумеется, он может и не прийти, но, по всей вероятности, придет. И тогда необходимо задержать его. Вот пистолеты. Оба мы сумеем, если нужно будет, распорядиться ими.

⁵ Отметим забавную ошибку авторов комментариев к Полному собранию сочинений К.И. Чуковского, на которое мы ссылаемся в этой статье. В комментарии к статье «Бальмонт и Шелли» (К.И. Чуковский, Т.6, с. 578) утверждается: «М.Л. Гаспаров позднее даже ввел специальный термин “буквализм” применительно к его <В.Я. Брюсова> переводу “Энеиды” Вергилия». Так пишут комментаторы собрания сочинений, в которое вошла книга «Высокое искусство», где этот термин употребляется задолго до Гаспарова. Почитаешь иные работы – кажется, что до статьи Гаспарова «Брюсов и буквализм» теория перевода «была безвидна и пуста» и над нею еще Дух Божий не носился.

Я машинально взял пистолеты, почти не сознавая, что делаю, не веря ушам своим, а Дюпен продолжал, словно изливаясь в монолог. Я уже упоминал о присущей ему временами отрешенности. Он адресовался ко мне и, следовательно говорил негромко, но что-то в его интонации звучало так, точно он обращается к кому-то вдалеке. Пустой, ничего не выражающий взгляд его упирался в стену.

Тем интереснее сопоставить переводы одного и того же рассказа, выполненные по столь различным программам.

Мы решили взять для сопоставления с бальмонтскими несколько переводов В.В. Рогова (1930–2000), который, как и Бальмонт, больше известен переводами не прозы, а поэзии (правда, и те и другие делались все-таки по сходным принципам). Одним из своих учителей в художественном переводе Рогов считал И.А. Кашкина, и близость его переводческого подхода общим положениям кашкинской школы заметна. Рогов переводил произведения поэтов Возрождения (Т. Уайет, Э. Спенсер, Б. Джонсон, К. Марло и др.), стихи поэтов английского романтизма (С.Т.Кольридж, У. Вордсворт, Дж. Китс, Дж. Байрон, П.Б. Шелли), французских символистов (П.Верлен, Ж. Лафорг, П. Клодель, А. де Ренье и др.). Из семидесяти прозаических произведений Э. По, вошедших в «Полное собрание рассказов», двадцать два публикуются в переводах В. Рогова.

ТЕОРИЯ

Рабочая гипотеза нашего исследования была довольно простая: язык буквалистических переводов (БП) должен оказаться беднее, чем язык переводов функционально-коммуникативных (ФКП). Логически эта гипотеза обоснована тем, что переводчик-буквалист стремится по возможности выбирать лексические и грамматические средства ПЯ, имеющие максимальное сходство с соответствующими средствами ИЯ. В случае грамматики это обычно означает выбор формально схожих конструкций (сохранение порядка слов ИЯ, передача отдельных слов и словосочетаний теми же членами предложения и частями речи и т. д.). В случае лексики обычно «буквальным» считается передача слова не контекстуальным, а словарным эквивалентом (особенно если используется одной из первых значений слова в словарной статье). Безусловно, выдержать принцип формальной близости средств ИЯ и соответствующих им единиц перевода во всех случаях и на всех уровнях языка невозможно в принципе, и даже убежденный переводчик-буквалист вынужден делать довольно значительные отступления от формы, если тот или иной отрезок ТО в буквалистическом переводе будет для носителя ПЯ непонятным или откровенно безграмотным. Однако в остальных случаях выбор средств ПЯ в подобных переводах будет продиктован теми или иными нюансами формы ИЯ.

При этом, на наш взгляд, язык БП отличается от языка ФКП не только характером употребляемых единиц и конструкций, но и их меньшим разнообразием, ведь переводчик-буквалист не задействует в полной мере те ресурсы ПЯ, которые не имеют частотных формальных соответствий в ИЯ. Так, американская исследовательница Р. Мэй считает одной из самых труднопередаваемых черт русского языка (и одним из источников его выразительности) более свободную, чем в английском, систему согласования времен, позволяющую, например, чаще использовать «настоящее историческое». Этим приемом англоязычные переводчики часто вынуждены жертвовать. Вот, скажем, как был переведен на английский отрывок из рассказа Ф. А. Абрамова «Вокруг да около»:

Хлип-чав, хлип-чав, хлип-чав...

Это под ногами, а сверху все *лет и лет*. И так две недели подряд.

У Анания Егоровича болели зубы, и он шел... держась рукой за правую щеку.

Flip-flap, flip-flap, flip-flap...

That's what it was like underfoot. And from above it just *kept on pouring down*. It had been like that now for two weeks running.

Anany Yegorovich had tooth-ache and he was... keeping his hand to his right cheek as he went along.⁶

Последовательный в воплощении своей программы буквалист, переводя с английского на русский, будет воспроизводить особенности английского согласования времен и тем самым поневоле вынужден будет отказаться от средства, которое англоязычные переводоведы, как видим, относят к достоинствам русского языка.

Стоит оговорить, что речь идет не об улучшении оригинала, а об использовании средств ПЯ с целью компенсации или достижения естественности – в той же мере, что и в оригинале, где она создавалась специфическими средствами ИЯ.

Помимо настоящего исторического времени, среди многочисленных явлений, которые встречаются в БП с английского языка на русский гораздо реже, чем в оригинальных русских текстах, безличные (и прочие не подлежащно-сказуемые предложения), слова категории состояния, глаголы действия, вводящие реплики в диалогах (типа: «–..., – поморщился он»), обращения в середине реплики и т. д.

Таким образом, оставляя без внимания характерные для ПЯ, но не имеющие формальных – подчеркиваем – формальных, а не функциональных – соответствий в ИЯ единицы и конструкции, переводчик лишает себя богатого арсенала средств. И этот недостаток не может быть восполнен (хотя бы даже количественно) за счет более активного внедрения в перевод формально близких эквивалентов в связи с асимметричностью языковых систем.

Простой пример. Увидев в ТО слово *exciting*, переводчик-буквалист, скорее всего, передаст его как «возбуждающий (волнующий, захватывающий)» и вряд ли примет во внимание такие варианты, как «увлекательный», «интересный», «интригующий», «будоражающий», «щекочущий нервы», «в восторге» (“This is exciting news for us” – «Мы в восторге от этой новости») и т. п. С другой стороны, встретившись в ТО со словами из синонимических рядов вроде *doze – nap – drowse – slumber* или *shake – shiver – shudder – quiver – tremble – quake*, он (как и, скорее всего переводчик любых других взглядов) вряд ли предложит что-то кроме «дремать» и «трястись» соответственно (разве что в последнем случае расщедрится на «дрожать»), поскольку русский язык не располагает таким богатством вариантов для передачи оттенков этих значений.

Это в теории. Наше же исследование было задумано для того, чтобы подтвердить или опровергнуть тезис о большем разнообразии языка ФКП по сравнению с языком БП с помощью статистического анализа текстов⁷.

Материалом для исследования послужили выполненные К. Бальмонтом и В. Роговым переводы следующих рассказов Э. По:

№	Название оригинала	Название в переводе К. Бальмонта	Название в переводе В. Рогова
1	The Domain of Arnheim (DA)	Помесье Арнгейм (DAb)	Помесье Арнгейм (DAr)
2	The Devil in the Belfry (DB)	Дьявол на колокольне (DBb)	Черт на колокольне (DBr)
3	Hop-Frog (HF)	Гоп-Фрог (HFb)	Прыг-Скок (HFr)

⁶ R. May. *The Translator in the Text. On Reading Russian Literature in English*// Northwest University Press 1991, p. 96-98.

⁷ Авторы понимают, что разнообразие языка не ограничивается только лексикой. Однако сопоставление частотности и разнообразия синтаксических конструкций потребовало бы подробной разметки текстов и применения других программных продуктов, что в рамках настоящего исследования было бы неосуществимо.

4	The Imp of the Perverse (IP)	Демон извращенности (IPb)	Бес противоречия (IPr)
5	Ligeia (L)	Лигейя (Lb)	Лигейя (Lr)
6	The Oval Portrait (OP)	Овальный портрет (OPb)	Овальный портрет (OPr)
7	The Fall of the House of Usher (FHU)	Падение дома Эшер (FHUb)	Падение дома Ашеро́в (FHUr)

Статистическая обработка корпусов производилась с помощью программного продукта «УордСмит Тулз 5.0) (WordSmith Tools 5.0⁸), используемого для выполнения таких задач, как составление списков частотности и конкордансов, вычисление типичной дистрибуции и «ключевых слов», выравнивание параллельных текстов и др.

Насколько мы можем судить, подобное корпусное исследование, при котором сопоставляются корпуса переводов одних и тех же ТО, выполненных разными переводчиками, является для переводоведения относительно оригинальным. Хотя переводоведение уже давно и продуктивно использует методы корпусной лингвистики, в том числе для нахождения переводческих универсалий⁹ или для сопоставления закономерностей при переводе текстов одного стиля с одного конкретного языка на другой¹⁰, как правило, в рамках исследований сопоставляются либо корпус оригинальных текстов и корпус их переводов на ПЯ, либо корпус переводных текстов и корпус прецедентных оригинальных текстов (той же тематики и жанра) на ПЯ.

Прежде чем проводить статистические подсчеты, мы отформатировали тексты переводов и конвертировали их в неразмеченные текстовые файлы, с которыми работает «УордСмит». В процессе форматирования в переводах К. Бальмонта была произведена замена дореволюционной орфографии на современную, а также проведена незначительная унификация (например, замена «Эшер» на «Ашеры», замена буквы «ё» на «е», разделение некоторых составных наименований типа «сад-ландшафт» на два слова, удаление вставок и примечаний, а также коротких фрагментов, присутствующих в переводе одного автора, но отсутствующих у другого, и т. п.). Кроме того, во всех текстах все заглавные буквы были заменены строчными, поскольку при работе с кириллицей «УордСмит» учитывал варианты типа «стол» и «Стол» как два разных слова (при работе с латиницей подобных сбоев не наблюдалось).

Наиболее трудоемкой частью подготовительного этапа стало составление списка русских лемм. Под лемматизацией в корпусной лингвистике понимают группировку словоформ в гнезда лемм (лексем). Как правило, лемматизация проводится с помощью специальных программ-лемматизаторов (см., например, «Russian Morphology» Г. Сидорова¹¹), содержащих в себе перечень основ и аффиксов, а также определенные алгоритмы деления словоформы на составные части, позволяющие возвести словоформу к лексеме и определить ее морфологические показатели. После обработки корпуса текстов лемматизатором результаты автоматической лемматизации корректируют вручную с требуемой степенью тщательности.

«УордСмит» лемматизатором не оснащен, и единственный способ сгруппировать представленные в уордсмитовском списке частотности словоформы в лексемы – это загрузить в программу список лемм и словоформ, имеющий приблизительно такой вид:

⁸ <http://www.lexically.net/wordsmith/>

⁹ См., например: Baker M. Corpus Linguistics and Translation Studies. Implications and Applications // Text and Technology: In Honour of John Sinclair / ed. by Baker M., Francis G., Tognini-Bonelli E. – Amsterdam: John Benjamins, 1993.

¹⁰ См., например: Михайлов М.Н. Параллельные корпуса художественных текстов: принципы составления и возможности применения в лингвистических и переводоведческих исследованиях (на примере русско-финского параллельного корпуса художественных текстов). – Tampere: University of Tampere, 2003.

[электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://acta.uta.fi/english/teos.php?id=8827>

¹¹ <http://www.g-sidorov.org/tmorph/index.html>

бес -> беса, бесу, бесом, бесе, бесы, бесов, бесам, бесами, бесах
беспомощный -> беспомощного, беспомощному, беспомощным, беспомощном,
беспомощная, беспомощной, беспомощною, беспомощную, беспомощное, беспомощные,
беспомощных, беспомощными, беспомощен, беспомощна, беспомощны
беспокоить -> беспокоил, беспокоила, беспокоило, беспокою, беспокоишь, беспокоит,
беспокоим, беспокоите, беспокоят, беспокоя, беспокоящий, беспокоящего, беспокоящему,
беспокоящим, беспокоящем, беспокоящая, беспокоящей, беспокоящую, беспокоящее,
беспокоящие, беспокоящих, беспокоящими

Подобные списки для английского языка можно найти в Интернете¹², однако списка русских лемм в открытом доступе нам обнаружить, к сожалению, не удалось, поэтому мы самостоятельно составили файл лемматизации, включающий в себя 2550 лемм¹³.

Недостатками такого метода лемматизации, помимо прочего, являются: значительные временные затраты, необходимые для составления списка, отсутствие в корпусах морфологической разметки, позволяющей проводить статистические подсчеты по морфологическим показателям, и принципиальная невозможность выделить в качестве лемм сочетания слов (типа «кроме того», «несмотря на» и т. п.) и снять омонимию/омоформию (так, например, словоформа «души» может быть возведена либо к лемме «душа», либо к лемме «душить», либо к лемме «душ», но приписать для одних случаев возведение к одной лемме, а для других – к другой невозможно).

Но мы работали с небольшими корпусами текстов, поэтому, на наш взгляд, эти недостатки для нашего исследования несущественны. Во-первых, ручная лемматизация позволяет избежать значительного числа погрешностей, неизбежных при автоматизации этого процесса. Во-вторых, количество омонимов и омоформ в таких скромных по объему корпусах невелико, и при составлении файла лемматизации, как правило, была возможность проверить контекст употребления спорных случаев (например, убедиться, что включение словоформы «души» в гнездо «душа» не приведет к ошибочной лемматизации, поскольку в переводах формы лексемы «душить» не используются).

Краткие формы прилагательных мы включали в те же леммы, что и полные («мертвый -> мертв»), причастия группировались в глагольные леммы («находиться -> находившийся»), прилагательные и наречия в сравнительной степени были включены в леммы соответствующих наречий («мудро -> мудрее»).

Эти сведения дают более или менее полное представление о средствах, которые мы использовали для статистического анализа.

ПРАКТИКА

Итак, основным итогом наших подсчетов должно было стать процентное соотношение разных слов (лемм) к общему количеству словоупотреблений, использованных тем и другим переводчиками. Эти данные отражены в приведенной ниже таблице:

К. Бальмонт				В. Рогов			
Текст	Количество словоупотреблений	Количество лемм	Степень лексического разнообразия ¹⁴	Текст	Количество словоупотреблений	Количество лемм	Степень лексического разнообразия

¹² Например: http://www.lexically.net/downloads/BNC_wordlists/e_lemma.txt

¹³ Число 2550 не следует воспринимать как общее количество разных лексем в исследованных нами 14 переводах, поскольку, с одной стороны, мы для экономии времени не включали в файл лемматизации леммы, представленные в исследуемых корпусах только одной словоформой, а с другой – в файл вошли некоторые леммы, не представленные в исследуемых переводах, но понадобившиеся нам для обработки других корпусов.

DAb	5014	1699	33,89%	DAr	4601	1753	38,10%
DBb	2697	1054	39,08%	DBr	2380	1018	42,77%
HFb	3042	1111	36,52%	HFr	2714	1073	39,54%
IPb	2181	878	40,26%	IPr	1959	842	42,98%
Lb	5033	1559	30,98%	Lr	4657	1692	36,33%
OPb	1097	511	46,58%	OPr	930	485	52,15%
FHUb	5621	1821	32,40%	FHUr	5056	1850	36,59%
В целом по корпусу:	24685	4839	19,60%	В целом по корпусу:	22297	5127	22,99%

Какие выводы можно сделать из этой таблицы? Во-первых, в обоих корпусах заметна тенденция: чем больше объем анализируемого текста (корпуса), тем меньше степень лексического разнообразия. Это вполне логично, поскольку в длинном тексте накапливаются повторы лемм. Во-вторых, наша рабочая гипотеза получила подтверждение: степень лексического разнообразия в переводах В. Рогова выше, чем в переводах К. Бальмонта, причем как в корпусе в целом, так и в каждом отдельно взятом тексте. Более того, в корпусе переводов В. Рогова и в абсолютном выражении содержится меньше словоупотреблений и больше лемм. То есть читатель этих переводов получает более компактный и лексически более разнообразный текст.

Можно сказать, что разница в степени лексического разнообразия между двумя корпусами (3,39%) невелика. Однако необходимо учитывать, что мы сравниваем добросовестно выполненные переводы одних и тех же текстов, степень сходства между которыми априори выше, чем, например, между переводом и прецедентным текстом. А значит, даже небольшие отличия в нашем случае играют значительную роль, поскольку отражают – как нам представляется – разницу в подходах переводчиков к передаче одного и того же смысла.

Мы воспользовались другими возможностями «УордСмита» и постарались обнаружить дополнительные свидетельства того, что разница в статистике лексического разнообразия обусловлена не случайностями, а именно различиями в буквалистическом и функционально-коммуникативном подходах к переводу.

Одна из весьма полезных функций этой программы, «Подробные соответствия» (Detailed Consistency), позволяет сопоставить частотные списки нескольких корпусов и получить представление, например, о стилистических предпочтениях того или иного переводчика. Так, например, наблюдается бóльшая частотность леммы «чувство» в переводах К. Бальмонта. Мы составили конкордансы для этой леммы в одном и другом корпусе и обнаружили, что в переводах К. Бальмонта различные формы леммы «чувство» встречаются 59 раз, а в переводах К. Рогова – 38 раз. Чтобы в подробностях посмотреть, как подобное расхождение в частотности выражается в конкретных переводческих решениях, мы проанализировали использование этой леммы в переводах рассказа FHU.

Ниже мы приводим таблицу, где представлены соответствующие фрагменты оригинала и двух переводов. Сначала приведены случаи, где оба переводчика использовали вариант леммы «чувства» для передачи одного и того же явления в ТО, затем – случаи, где решения переводчиков разошлись:

¹⁴ Процент разных лемм от общего количества словоупотреблений. Если, например, эта степень в некотором тексте (корпусе) составляет 20%, то гипотетически не более 20% этого текста (корпуса) может быть записана без повторов лемм. Уточним, что степень лексического разнообразия не совпадает с автоматически высчитываемым «УордСмитом» показателем *type/token ratio*, поскольку этот последний является не процентом лемм, а процентом словоформ от общего количества словоупотреблений (т.е. не учитывается лемматизация).

№	Оригинал	FHUb	FHUr
1	Said I not that my senses were acute?	Разве я не говорил, что мои чувства остры?	Разве я не говорил, что чувства мои обострены?
2	Such, I have long known, is the paradoxical law of all sentiments having terror as a basis.	Таков, как я уже давно знал, парадоксальный закон всех чувств , имеющих исходной точкой страх.	Таков, как я давно знал, парадоксальный закон всех чувств , зиждущихся на страхе.
3	Overpowered by an intense sentiment of horror, unaccountable yet unendurable, I threw on my clothes with haste	Охваченный острым чувством ужаса, непонятного и невыносимого, я быстро накинул на себя платье.	Обуянный всемогущим чувством ужаса, необъяснимого и непереносимого, я торопливо оделся.
4	Much that I encountered on the way contributed, I know not how, to heighten the vague sentiments of which I have already spoken.	Многое из того, что я видел, проходя, усиливало, не знаю каким образом, смутное чувство , о котором я уже говорил.	Многое по дороге туда, не знаю уж каким образом, усиливало неясные ощущения , о которых я ранее говорил.
5	Oppressed... by a thousand conflicting sensationsя был смущен целым множеством противоречивых ощущенийя был обуян тысячею разноречивых чувств ...
6	He suffered much from a morbid acuteness of the senses .	Он очень страдал от болезненной остроты ощущений .	Он очень страдал от болезненной обостренности чувств .
7	I regarded her with an utter astonishment not unmingled with dread - and yet I found it impossible to account for such feelings .	Я глядел на нее с чувством крайнего изумления, не чуждым ужаса — ощущение , которое я до сих пор так и не мог объяснить себе.	Я смотрел на нее с полным изумлением и не без испуга; и все же не в силах был объяснить возникновение подобных чувств .
8	...for some moments... I gazed upon him with a feeling half of pity, half of awe.	...в течение нескольких мгновений... я глядел на него со смешанным чувством сострадания и страха.	...несколько мгновений... я взирал на него наполовину с жалостью , наполовину в испуге .
9	Our glances, however, rested not long upon the dead – for we could not regard her unawed .	Наши взоры, однако, недолго были прикованы к лицу усопшей – мы не могли смотреть на него без чувства трепета.	Однако взоры наши недолго оставались прикованными к мертвой – ибо мы не могли смотреть на нее без содрогания .
10	...with the first glimpse of the building, a sense of insufferable gloom pervaded my spirit.	...лишь только я взглянул на здание, чувство нестерпимой тоски охватило меня.	...при первом взгляде на здание я ощутил невыносимую подавленность .
11	Here again I paused abruptly, and now with a feeling of wild amazement.	Здесь я опять быстро остановился, и на этот раз с чувством крайнего изумления.	Тут я снова замолк, теперь уже от потрясения .
12	The once occasional huskiness of his tone was heard no more; and a tremulous quaver, as if of extreme terror , habitually characterized his utterance.	Тон его голоса утратил ту резкость, которая иногда слышалась прежде, и ее место заступил трепет волнения, точно продиктованный чувством крайнего ужаса.	Ранее голос его иногда звучал глухо, но не теперь; дрожь, трепет, как бы внушенные крайним ужасом , слышались во всех его речах.

Итак, в трех случаях позиции переводчиков относительно использования «чувства» совпали. В одном случае К. Бальмонт использует «чувство», в то время как В. Рогов дает близкий словарный эквивалент «ощущение», а в трех, наоборот, «чувство» у В. Рогова соответствует «ощущению» К. Бальмонта. И в шести случаях конструкции с леммой «чувство» у К. Бальмонта соответствуют контекстуально дифференцированным и более лаконичным вариантам, предлагаемым В. Роговым. В заключение добавим, что лемма «ощущение» встречается в корпусе переводов К. Бальмонта 24 раза, а в корпусе переводов В. Рогова – 8 раз, поэтому даже в случаях №№ 5–7 переводческие решения К. Бальмонта не могут считаться повышающими разнообразие.

Еще более заметные расхождения обнаруживаются при обращении к группе существительных, относящихся к мыслительной деятельности. В четырех рассказах (DA, IP, L, OP) По 16 раз употребляет слово *thought*, 18 раз слово *idea* и 3 раза *opinion*. Вот какие эквиваленты предложены для слов этой группы в обоих переводах:

К. Бальмонт	В. Рогов
мысль 24	мысль 15
идея 3	идея 5
мнение 1	мнение 2
впечатление 1	впечатление 1
представление 3	представление 3
думать 2	думать 1
помысел 1	понятие 2
	предположение 4
	убеждение 1
	дума 1
	размышление 1

Если Бальмонт решительно предпочитает слово самого общего значения («мысль»: 68,6% от всего числа эквивалентов), то Рогов употребляет его значительно реже (41,6% от всего числа эквивалентов), находя более разнообразные и контекстуально точные соответствия. В его цветовой гамме оттенков и здесь оказывается больше. Более того, все использованные К. Бальмонтом варианты из этой таблицы в корпусе В. Рогова встречаются, а вот леммы «понятие» и «дума» ни в одном из семи переводов К. Бальмонта вообще не употреблены.

Чтобы понять, насколько решения К. Бальмонта были продиктованы именно ситуацией перевода, мы провели дополнительный эксперимент. Мы составили корпус общим объемом около 52 000 словоупотреблений¹⁵, получили при помощи «УордСмита» перечень частотности лемм и проверили, как поэт употреблял слова из приведенного выше синонимического ряда в своих оригинальных произведениях.

Вряд ли стоит удивляться тому, что в этом корпусе не обнаружилось леммы «мнение», «впечатление», «представление», «убеждение» и «понятие»: будем считать, что это громоздкие наукообразные слова, для поэзии Бальмонта малопригодные. Интересно другое: у леммы «мысль» насчитывается 49 вхождений, а у леммы «дума» – 21 (разумеется, ни разу речь о Государственной Думе не идет). Получается, нельзя утверждать, чтобы К. Бальмонт почему-то не любил это слово: в его оригинальных произведениях на две «мысли» приходится почти что одна «дума», но, видимо, в переводе влияние формы оригинала и словарных соответствий было слишком велико.

Мимоходом отметим, что для поиска, сопоставления и копирования соответствующих фрагментов в оригинале и переводах удобно воспользоваться еще одной служебной программой, входящей в набор «УордСмит Тулз», – «Элайнер» (Aligner), выполняющей функцию выравнивания текстов по предложениям и абзацам. Потратив некоторое время на загрузку текстов в «Элайнер» и проверку соответствия предложений, мы впоследствии значительно быстрее находим интересующие нас отрывки сразу в трех корпусах.

Но вернемся к результатам подсчета «Подробных соответствий». Стоит обратить внимание на слова, присутствующие у одного переводчика, но отсутствующие у другого. Так, из частотного перечня видно, что В. Рогов использовал лексему «живописец» 11 раз, тогда как у К. Бальмонта, она вообще не встречается. При помощи конкордансера нетрудно обнаружить,

¹⁵ В корпус вошли поэтические сборники Бальмонта, которые были опубликованы примерно в те годы, когда он работал над переводами По, и которые во многом легли в основу его поэтической репутации: «Под северным небом» (1894), «В безбрежности» (1895), «Тишина» (1897), «Горящие здания» (1899) и «Только любовь» (1903).

что эти 11 случаев приходится на переводы рассказов ОР и DA. Любопытства ради приводим соответствующие места в таблице:

№	Оригинал	DAb	DAr
1	Under other circumstances than those which invested him, it is not impossible that he would have become a painter .	Если бы жизнь его сопровождалась обстоятельствами иными, чем те, которые были налицо, не невозможно, что он сделался бы художником .	Весьма возможно, что при других обстоятельствах он стал бы живописцем .
2	... no such combination of scenery exists in nature as the painter of genius may produce.	... в природе не существует таких зримых сочетаний, какие может создать гениальный художник в природе не существуют сочетания элементов пейзажа, равного тем, что способен сотворить гениальный живописец .
3	While the component parts may defy, individually, the highest skill of the artist ...	В то время как составные части могут, каждая в отдельности, посмеиваться над высшим искусством художника ...	Если составные части и могут по отдельности превзойти даже наивысшее мастерство живописца ...
4	... an artistical eye , looking steadily, will not find matter of offence in what is termed the "composition" of the landscape.	... художественный глаз не нашел бы чего-нибудь оскорбительного в том, что называется «общим составом» ландшафта.	... взор живописца не найдет погрешностей в том, что называется "композицией" пейзажа.
№	Оригинал	ОРb	ОРr
5	And evil was the hour when she saw, and loved, and wedded the painter .	И злополучен был тот час, когда она увидела, и полюбила художника , и сделалась его женой.	И отмечен злым роком был час, когда она увидела живописца и полюбила его и стала его женою.
6	It was thus a terrible thing for this lady to hear the painter speak of his desire to portray even his young bride.	Ужасной вестью было для этой женщины услышать, что художник хочет написать портрет и самой новобрачной.	И она испытала ужас, услышав, как живописец выразил желание написать портрет своей молодой жены.
7	But he, the painter , took glory in his work...	Но он, художник , вложил весь свой гений в работу...	Но он, живописец , был упоен трудом своим...
8	... the painter ... took a fervid and burning pleasure in his task	... художник ... находил пламенное и жгучее наслаждение в своей работе...	... живописец ... черпал в труде своем жгучее упоение ...
9	... a proof not less of the power of the painter than of his deep love for her whom he depicted so surpassingly well.	... доказательстве не только творческой силы художника , но и его глубокой любви к той, которую он воссоздавал так чудесно.	... свидетельстве и дара живописца и его глубокой любви к той, кого он изобразил с таким непревзойденным искусством.
10	... the painter had grown wild with the ardor of his work...	... художник , с самозабвением безумия отдавшийся работе...	... в пылу труда живописец впал в иступление...
11	... the painter stood entranced before the work...	... художник остановился, охваченный восторгом, перед работой...	... живописец застыл, замороженный своим созданием...

Мы видим, что там, где в оригинале были варианты *painter/artist*, К. Бальмонт везде предлагал «художник», тогда как В. Рогов использовал слово «живописец». Причем нельзя сказать, что оба переводчика передают *painter/artist* однообразно, только каждый предпочитает свой вариант, поскольку в корпусе В. Рогова лексема «художник» тоже присутствует (3 вхождения).

Вполне возможно, что в проанализированных нами корпусах найдутся примеры, когда, наоборот, варианты К. Бальмонта отличаются бóльшим разнообразием, однако в целом тенденция, насколько мы можем судить, вышеприведенному случаю не противоречит. Применив к частотному списку «Подробных соответствий» функцию статистического подсчета, мы установили, что в корпусе переводов К. Бальмонта есть 2 291 лемма, отсутствующая у В. Рогова, тогда как в у В. Рогова 2 580 лемм, отсутствующих у К. Бальмонта.

Одной из таких лемм является «око» (6 у В. Рогова, 0 у К. Бальмонта). При этом лемма «глаз» распределена так: 59 – Бальмонт, 43 – Рогов. С большой долей вероятности можно

утверждать, что при передаче леммы *eye* один переводчик использовал более разнообразные варианты, чем другой.

Как известно любому опытному переводчику и редактору переводов, одним из признаков стихийного буквализма в переводе с английского языка на русский является обилие слов, не несущих смысловой нагрузки, а замещающих соответствующие английские лексемы (чье наличие в ТО продиктовано строением английского языка) или выполняющих роль связок в менее естественных для русского языка синтаксических конструкциях. Подробный анализ переводческих решений обоих переводчиков в этой сфере получился бы непомерно обширным, поэтому приведем только статистические данные о частотности некоторых характерных лемм в сравниваемых корпусах:

Лемма	К. Бальмонт	В. Рогов
быть	514	291
этот	389	243
который	237	134
свой	151	77

С одной стороны, проблема «пустых», семантически не нагруженных слов, казалось бы, не имеет отношения к теме нашей статьи, посвященной взаимосвязи буквалистического подхода и разнообразия текста перевода. С другой стороны, бóльшая частотность подобных слов в корпусе К. Бальмонта лишний раз объясняет, почему при большем количестве словоупотреблений его переводы содержат меньшее количество разных лексем, а следовательно, являются менее богатыми в языковом отношении и менее «плотными» (если понимать под плотностью условное отношение количества словоупотреблений к количеству смысловых компонентов).

А вот небезынтесная статистика, связанная с передачей обоими переводчиками слова *now*. Согласно «Подробным соответствиям», у К. Бальмонта наблюдается более высокое количество словарных эквивалентов этой леммы:

Лемма	К. Бальмонт	В. Рогов
теперь	41	22
нынче/ныне	2	9
сейчас	4	5
Итого	47	36

Мы решили проверить, как переводчики передавали *now* и подробно проанализировали выравненные корпуса, содержащие переводы рассказов DA, IP, L и OP. Результаты этого сопоставления приведены в таблице:

№	Текст	Вхождений <i>now</i>	Передача при помощи «теперь/ныне»	Опущение	Передача другим средством	Переводчик
1	DA	10	7	1	2	Бальмонт
			5	1	4	Рогов
2	IP	3	2	1	0	Бальмонт
			2	1	0	Рогов
3	L	17	11	2	4	Бальмонт
			8	4	5	Рогов
4	OP	2	2	0	0	Бальмонт
			1	1	0	Рогов
Итого	4	32	22	4	6	Бальмонт

			16	7	9	Рогов
--	--	--	----	---	---	-------

Если теперь свести в отдельную таблицу те «другие средства», которыми переводчики пользовались для передачи *now*, то получим следующее:

№	Бальмонт	Рогов
1	тогда	тогда (2)
2	и вот	и
3	на этот раз	на этот раз
4	время от времени	порою
5	уже	успел
6	потом	на сей раз
7		так вот
8		к тому времени

И здесь В. Рогов по сравнению с К. Бальмонтом предлагает читателю более разнообразные и более компактные (за счет компрессии смысла) варианты переводов.

Небольшие, на первый взгляд, статистические различия при значительном совпадении переводческих решений у обоих переводчиков читателя смущать не должны. Функционально-коммуникативный подход не предполагает вольничания и стремления перевести как угодно, «лишь бы не так, как в оригинале». Если контекст позволяет сохранить формальные признаки фрагмента ТО при соблюдении функционально-коммуникативной эквивалентности, это можно и нужно делать. Английский переводовед П. Ньюмарк отмечает: «...Если буквальный перевод обеспечивает референциальную и прагматическую эквивалентность оригиналу, то это перевод правильный и его не следует избегать»¹⁶. А В.Н. Комиссаров предлагал называть такой перевод, результат правильного использования прямого перевода, не буквальным, а дословным¹⁷.

И, безусловно, К. Бальмонт не относится к числу бездарных производителей переводческой халтуры, не замечающих вопиющих нарушений нормы и узуса переводящего языка в своих опусах. Но именно эти небольшие различия: наличие дифференциации в одном случае и сужение спектра, «сплющивание» в другом, большая или меньшая точность в выборе эквивалента, соблюдение или несоблюдение запретов ПЯ на излишне частые повторы и т. д. – в совокупности создают впечатление, которое выносит из перевода читатель.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В книге «Высокое искусство» К.И Чуковский писал:

Плохие переводчики страдают своеобразным малокровием мозга, которое делает их текст худосочным. Каково Хемингуэю, или Кипплингу, или Томасу Манну, или другому полнокровному автору попасть в обработку к этим анемичным больным! Похоже, что они только о том и заботятся, как бы обескровить гениальные подлинники. У таких переводчиков нищенски убогий словарь: каждое иностранное слово имеет для них единственное значение. Запас синонимов у них скуден до крайности. *Лошадь* у них всегда только *лошадь*. Почему не *конь*, не *жеребец*, не *рысак*, не *вороной*, не *скакун*? *Лодка* у них всегда *лодка* и никогда не *бот*, не *челнок*, не *ладья*, не *шаланда*. *Дворец* – всегда *дворец*. Почему не *замок*, не *палаты*, не *хоромы*, не *чертог*? Почему многие переводчики всегда пишут о человеке — *худой*, а не *сухопарый*, не *худощавый*, не *тщедушный*, не *щуплый*, не

¹⁶ Newmark P. A Textbook of Translation. – Harlow: Pearson Education Limited, 2008. – pp. 68–69.

¹⁷ Комиссаров В.Н. Оппозиция «буквальный» и «свободный (вольный)» перевод в современном переводоведении // Тетради переводчика. – Вып. 25. – М.: МГЛУ, 2004. – С. 11.

тощий? Почему не стужа, а холод? Не лачуга, не хибарка, а хижина? Не каверза, не подвох, а интрига? Почему печаль всегда печаль, а не скорбь, не тоска, не кручина, не грусть? Плохие переводчики думают, что девушки бывают только красивые. Между тем они бывают миловидные, хорошенькие, смазливые, пригожие, недурные собой, привлекательные и мало ли еще какие!

Множество у этих людей всегда только множество. Почему не прорва, не уйма, не бездна, не тьма? Препятствие – только препятствие, а не помеха, не преграда, не препона.

Казалось бы, что нового добавляет наше исследование к этому наблюдению?

А вот что.

Часто недостатки переводов (в том числе лексическую анемию, о которой писал К.И. Чуковский) объясняют просто-напросто отсутствием литературных способностей. Дело, мол, не в методе перевода, а в переводчике.

В чем-чем, а в отсутствии литературного таланта К.Д. Бальмонта не упрекали. Многие с сочувствием цитировали и цитируют его строки о себе:

Я – изысканность русской медлительной речи,
Преодо мною другие поэты – предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.

Чем же, как не избранным методом перевода, объяснить, что поэт, недостатком словесных красок не страдающий (а в поэтическом переводе даже накладывающий их слишком густо), в переводе прозы на них скупится? Причем теперь это доказывается статистически. Все подсчеты и сопоставления приводили к выводу о том, что, по крайней мере, лексика переводов К. Бальмонта менее разнообразна, а количество семантически малозначимых слов более высоко, чем в переводах В. Рогова.

Могут возразить: «Подумаешь три процента! Подумаешь четыре слова! Все это в пределах статистической погрешности». Мы думаем, что для корпусов, составленных из переводов одних и тех же текстов, и это показательно. Но предположим на минуту, что все дело действительно в статистической погрешности и объективно доказанной разницы в языковом разнообразии переводов К. Бальмонта и В. Рогова нет. Да ведь это уже само по себе красноречивый факт!

Постулируемое обогащение ПЯ за счет буквалистических переводов – один из любимых аргументов сторонников буквализма, который они берегут «на черный день». Трудно спорить с тем, что буквалистические переводы корявы и местами неудобопонятны. Но зато они выполняют великую миссию – обогащают язык, вырываясь за рамки приглаженной, сиропной – и непременно советской! – гладкописи. Безликие конформисты, «растекающиеся вширь» и популярные у масс, с одной стороны и непризнанные таланты-одиночки, «копающие вглубь» и работающие на элитарного читателя, с другой. И вот оказывается, что переводы К. Бальмонта при всей своей неуклюжести в лучшем случае – если уповать на статистическую погрешность – разве что не уступают в языковом богатстве переводам кашкинца Рогова. Даже элитарный читатель заподозрит, что дело неладно.

Для более основательной проверки этой гипотезы потребовалось бы значительно больше времени и сил. В этом случае можно было бы воспользоваться другими программными средствами для корпусных исследований и, в частности, провести более точную лемматизацию со внесением в анализируемые тексты специальной разметки. Наличие разметки позволило бы, кроме того, провести еще ряд интересных подсчетов: скажем, сопоставить частотность употребления переводчиками различных частей речи или разных падежей.

На первый взгляд, в нашем исследовании можно обнаружить изъян, который сегодня сводит на нет выводы многих переводоведческих работ. Он состоит в том, что, проанализировав переводы (а то и один перевод) одного-единственного переводчика, исследователь объявляет особенности его творческого почерка общепереводческой закономерностью: вместо «N. перевел так-то» без колебаний пишет: «Обычно переводят так...» Но напомним, что нашему исследованию предшествовала рабочая гипотеза, тоже не на пустом месте возникшая: выше мы приводили соображения, которые на нее натолкнули. И если кто-нибудь проведет подобное исследование, взяв материалом выполненные по тем же принципам разные переводы одного текста, и получит результаты, опровергающие наши наблюдения, будет интересно обсудить. Только при проведении такого исследования не надо забывать об обоснованности выбора материала и корректности методики. Мы старались учитывать и то и другое.

Авторы выражают признательность и. о. профессора перевода русского языка Института современных языков, переводоведения и литературоведения Тамперского университета М.Н. Михайлову за ценные практические советы при проведении исследования.